

УДК 1:82(47)
ББК 87.524.6:83.3(2)

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН ГАЙТО ГАЗДАНОВА «ПРОБУЖДЕНИЕ» И ЕГО ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

М.А. ВАСИЛЬЕВА

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
Нижняя Радищевская ул., д. 2, г. Москва, 109240, Российская Федерация
E-mail: marijavid@mail.ru

Предметом исследования является роман Гайто Газданова «Пробуждение» (1965–1966). Дается анализ позднего романа как примера французского дискурса в творчестве писателя. Рассматривается его историко-литературный контекст. Поставлен вопрос о жанровых особенностях романа (роман-притча или утопический роман?). Раскрывается специфика концептов «маленький человек» и «средний человек», заявленных в романе. Дается обзор полемики вокруг «среднего человека» и проблемы двойника в русской философии и литературе. Изложены концепции «среднего человека» в работах К.Н. Леонтьева, Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли и др. Дан анализ двух концептов в литературно-философской традиции и выявлен вклад Газданова в их обновление. Отмечено особое место исследования Д.И. Чижевского, посвященного проблеме двойника и кризису этического формализма, в философской традиции русского зарубежья. Рассмотрен дискурс двойничества в мировой литературе и особое место творчества Газданова в эволюции дискурса. Показана роль «незамеченного поколения» русской эмиграции в обновлении проблемы человека. В заключение на ряде примеров произведений эмигрантских писателей делается вывод о кардинальном пересмотре этико-антропологической проблемы двойника и «среднего человека» в литературе русского зарубежья.

Ключевые слова: *русское зарубежье, творчество Гайто Газданова, «средний человек», «маленький человек», проблема двойника, утопический роман, «незамеченное поколение», кризис человека, этический рационализм, эволюция концепта, эволюция жанра.*

GAYTO GAZDANOV'S UTOPIAN NOVEL «AWAKENING» AND IT'S LITERARY AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

M.A. VASILIEVA

Alexander Solzhenitsyn Center for studies of the Russian emigrees
2, Nizhnyaya Radishchevskaya str., Moscow, 109240, Russian Federation
E-mail: marijavid@mail.ru

The research object in the article is Gayto Gazdanov's novel «Awakening» (1964). The article presents the analysis of this late novel as example of the French discourse in writer's creative work. Its historical and literary context is considered. The question of genre features of the novel (the novel parable or the utopian novel is raised?) is stated. The specifics of concepts «the small person» and «the middle person», declared in the novel, is exposed. The polemic review on «the average person» and a problem of the double in the Russian philosophy and literature is given. The concept of «the middle person» (K.N. Leontyev, L.P. Karsavin, P.M. Bitsill, etc.) is explicated. The analysis of two concepts in literary and philosophical tradition is given and Gazdanov's contribution in updating is revealed. The special place in philosophical tradition of the Russian abroad of D.I. Chizhevsky's research on a

problem of the double and crisis of an ethical formalism is noted. The double discourse in the world literature and a special place of Gazdanov's creation in evolution of this discourse is considered. The role of «the lost generation» of the Russian emigration in updating of a problem of the person is shown. In summary the conclusion about cardinal revision of an ethic and anthropological problem of the double and «the middle person» in literature of the Russian abroad on a number of examples of émigré writers creation is drawn.

Key words: Russian emigration, Gayto Gazdanov's creation, «middle person», «small person», problem of the double, utopian novel, «lost generation», crisis of the person, ethical rationalism, concept evolution, genre evolution.

Роман писателя первой волны русской эмиграции Гайто Газданова (1903–1971) «Пробуждение» (1964)¹ – образец прозы «позднего периода», к которой эмигрантская литературная критика отнеслась в целом прохладно. В литературном процессе русского зарубежья уже происходили перепады читательского настроения к газдановской прозе. Так, шумное приветствие первого романа «Вечер у Клэр» сменилось недоумением (разочарованием) после выхода в свет романа «История одного путешествия». Но если о втором романе Газданова было написано в эмигрантской периодике достаточно много, то «Пробуждению» повезло меньше – о нем современники говорили до обидного мало и вскользь. Диссонансом на этом фоне звучит восторженный отзыв Романа Гуля, публикатора «Пробуждения». «Я думаю, что это лучшая Ваша вещь», – напишет он автору². Но голос Гуля одинок на фоне осторожных и немногословных суждений современников. Своей поздней прозой Газданов словно обманывал читательские ожидания, и эта непредсказуемость походила на своеобразную писательскую стратегию. После блестящего дебюта «Вечера у Клэр» от него ждали все тех же щемящих элегических откровений, а он предлагал «Историю одного путешествия» – роман с «размытой» структурой и закодированным сюжетом. В «Ночных дорогах» он представал как мастер экзистенциальной иронично-наблюдательной автобиографической прозы, а в «Пробуждении» – как автор нравоучительной притчи. Подобные метаморфозы газдановской сюжетики во многом послужили источником дискуссии, актуальной и по сей день, – в каких романах Газданов предстает в своем настоящем, окончательно сформированном воплощении? И где, собственно, «настоящий» Газданов, а где только его предтеча? Общепризнанной отличительной чертой газдановской прозы, как правило, современники писателя называли не столько идейные искания, сколько поэтику (ритм, оригинальное построение фразы, необычайную музыкальность и т.д.). На это ритмическое единство прозы писателя указывал, например, известный литературный критик Марк Слоним. Он считал, что огрехи газдановских произведений «спасает внутренний, очень индивидуальный ритм, отличающий весь стиль Газданова»³. Заметим в скоб-

¹ См.: Новый журнал. 1965. № 78–81; 1966. № 82.

² См.: Р.Б. Гуль – Г.И. Газданову. 19 сент. 1965 // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 128 [1].

³ См.: Слоним М. Гайто Газданов // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 419 [2].

ках, что именно Марк Слоним – блестящий стратег печатного дела русского зарубежья – чутко распознал литературный дар Гайто Газданова и предоставил некогда страницы «Воли России» для начинающего писателя⁴. О романе «Пробуждение», как и обо всем позднем периоде творчества Газданова, тот же Марк Слоним написал с неким оттенком сожаления: «В начале пятидесятых в Газданове-писателе произошел какой-то перелом, отчасти вызванный сложными личными обстоятельствами. Он потерял волю к опубликованию своих произведений, говорил об их никчемности, отсутствии читателей, и прошло около двенадцати лет, прежде чем в 1965 году его “Пробуждение” появилось в “Новом журнале”» [2, с. 419]. Больше о романе не сказано ничего. Немного словно и критично о поздней прозе Газданова высказался Александр Бахрах: «...чем дальше Газданов отдалялся от автобиографичности, тем больше он терял почву под ногами» [3, с. 437].

Другие высказывания о его поздней прозе также отличаются сдержанностью. Между тем именно в разговоре о позднем Газданове, создавшем «нетипичные» морализаторские сюжеты, современники писателя вплотную подошли к вопросу об основных идейно-художественных линиях его творчества. На них указали, в частности, Георгий Адамович и Юрий Иваск. Адамович отметил особый интерес Газданова к французской тематике. Французский топос присутствует уже в первом романе «Вечер у Клэр», поздние же романы «Пробуждение» и «Эвелина и ее друзья» полностью построены на французском материале. Этому писательскому интересу к французскому сюжету Адамович давал свое объяснение: «...пристрастие русского писателя к иностранщине многих удивило. Но пристрастие это сохранилось у Газданова навсегда и ничуть не было капризом или причудой. По-видимому, оно соответствовало его убеждению, что люди везде одинаковы, а изменяется быт и только быт. Воспроизвести же быт ему казалось легче и даже естественнее тот, который он видел вокруг себя, а, живя во Франции, значит, быт французский» [4, с. 410]. Юрий Иваск затронул одну из самых сложных составляющих творчества Газданова – вопрос о замысле человека и его возможном преображении. Этот «вечный вопрос» в контексте трезво-ироничной газдановской прозы кажется слишком «возвышенным», неслучайно о нем Иваск заговаривает осторожно, оплетая его рядом оговорок, вроде: «Газданов прямо не задавал русского вопроса – в чем смысл жизни? Сама постановка этого вопроса вызвала бы снисходительную улыбку...» [5, с. 407]. Однако не признать «постановки этого вопроса» – особенно в свете позднего газдановского творчества – было невозможно. «Есть еще одна тема, близкая Газданову, – замечает Иваск, – тема нравственного перерождения человека, и эту тему можно назвать очень русской. <...> ... в повести «Пробуждение» Пьер возвращает из небытия безумия Анну, женщину, которую он любит больше себя. <...> Это искание положительного героя – очень русская черта в творчестве Газданова».

⁴ Рассказ Газданова «Повесть о трех неудачах» («Воля России» (Прага, 1927. № 2)) был помещен между романом Евгения Замятина «Мы» и стихами Бориса Пастернака. Сам Газданов именно эту публикацию считал своим литературным дебютом.

ва. Пусть читатель сам судит о том, удались ли ему эти и еще некоторые другие добрые или подобрешшие люди, а также и настоящие праведники?.. Кому они удавались?» [5, с. 408].

«Очень русские» темы и «русские вопросы», проявленные на французском материале, – некое общее определение поздних романов Газданова. Насколько ему удался этот сплав и насколько удался образ «положительного героя» из французской среды – вопрос, который и сегодня ставит газдановедение в тупик. Один из ведущих исследователей творчества Газданова славист Ласло Диенеш увидел в обрисовке главного героя романа Пьера Форэ определенный логический сбой: «Образ Пьера, – пишет он, – ставил перед Газдановым еще одну чрезвычайно сложную задачу: изображение “среднего француза”. И если в этом Газданову удалось не все, то причиной могло послужить, что Пьер, обладающий “средними” качествами, является в то же самое время, как и большинство героев Газданова, жертвой судьбы. Таким образом, по своему настоящему характеру, по своей подлинной сути он был больше, чем средний француз, которым его делали жизненные обстоятельства... <...> Но поступок, совершенно не вписывающийся в рамки “среднего” француза положен в основу романа; и в этом ощущается некоторое внутреннее противоречие, которое будет, безусловно, восприниматься как структурный недостаток. Действительно, Пьер и его история представляются не столько судьбой “среднего француза”, сколько метафорой “идеального человека”...» [6, с. 183–184].

Согласно приведенным цитатам, в романе Газданова происходит переплетение двух альтернативных концептов – «идеальный человек» («положительный герой») и «средний человек» – соединение очевидно алогичное и вносящее, с точки зрения исследователя, «внутреннее противоречие». Какое же место занимает «средний человек» в романе Газданова? И что за поступок, совершенно не вписывающийся в рамки «среднего француза», совершает главный герой романа? Фабула романа сводится к тому, что Пьер Форэ, «обычный» француз, едет из Парижа в глубинку к своему другу Франсуа, чтобы провести летний отпуск. Там он встречает Мари – женщину, перенесшую во время второй мировой войны сильное душевное потрясение, обернувшееся для нее потерей рассудка. Ее печальная судьба и полуживотное существование побуждают Пьера совершить спонтанный поступок – взять Мари к себе домой, в Париж, и попытаться вернуть ее к полноценной жизни. Все дальнейшее повествование – это медленное «пробуждение» Мари, ее возвращение к своему прежнему «я» (от возвращения настоящего имени Анна Дюмон до возвращения воспоминаний о прошлой довоенной жизни, которые она начинает скрупулезно записывать в тетрадь). Очевидно, что за «скорлупкой» безумной Мари скрывалась обаятельная личность Анны, однако именно встреча с Пьером открыла для нее нечто «самое главное», что она всегда искала, но не находила в прошлой сознательной жизни – ни в своей семье, ни в браке, ни даже в общении со священником. В сущности, настоящая жизнь героини начинается только после встречи с Форэ и ее чудесного «пробуждения». Неслучайно в разговоре с Пьером она обмолвится, что имя Мари ей кажется более настоящим. Признание

героини: «Пьер, вы самый замечательный человек, которого я встретила в своей жизни»⁵, – логический финал ее перерождения.

Казалось бы, налицо – идеальный герой и поучительная притча о добродетели. В то же время структура повествования значительно усложнена Газдановым проблемой «среднего человека» и еще более – проблемой двойника, также заявленной в романе. Причем оба «отрицательных» вектора связаны с фигурой Пьера Форэ. Насколько балансирование главного героя между человеком «идеальным» и человеком «средним», между натурой цельной и страдающей раздвоением личности нарушает «правильный» код его поступков и оборачивается для повествования «структурным недостатком»?

Заметим, что рассуждения о «среднем человеке» и раздвоении личности не принадлежат в «Пробуждении» ни голосу автора, ни одному из героев, непосредственно вовлеченных в сюжетные коллизии романа. Носителями этих идей выступают «посторонние». Один остается за кадром – это известный социолог (автор статьи о «среднем французе»). Другой – психолог (автор положения о двойничестве), объективно присутствует в романе, но играет роль наблюдателя, «независимого эксперта». Оба полемических голоса представляют мир рационализма – совершенно чуждый миропониманию Пьера Форэ. Неслучайно его друг Франсуа, приветствуя возвращение Анны из душевного небытия, скажет: «Я пью за тех, кто верит в чудеса. Я пью за то, что может казаться абсурдом, и за торжество этого абсурда над действительностью. Я пью за непобедимую силу иррациональных и нелепых чувств, которые во всем противоречат так называемому здравому смыслу» (с. 120). Рационалистические умозаключения вносят заметный диссонанс в идеальную «сказку» о чудесном преображении. В то же время, «раздражая» читательское внимание (разговор о «среднем человеке» и раздвоении личности возникает в романе не раз), Газданов по-своему выполнял авторское задание. «Отрицательные» лейтмотивы берут на себя роль этико-онтологического ребуса, на который и должен обратить внимание читатель. Этот сознательный диссонанс коренится в полемическом дискурсе творчества Газданова и вряд ли может быть сочтен за досадный «структурный недостаток» позднего романа. Представляя собой клубок этико-антропологических вопросов и дилемм, роман Газданова в большей степени напоминает не «случай из жизни» и даже не назидательную притчу, а оригинальнейшую утопию, искусно вплетенную в повседневный быт послевоенной Франции.

* * *

С какой традицией полемизировал Газданов и насколько понятия «средний человек» и «двойник» были устойчивы в рамках существующих традиций?

Герой романа «Пробуждение» Пьер Форэ и вправду ничем не примечательный персонаж, без особых амбиций, без выдающихся способностей. У него ру-

⁵ См.: Газданов Г.И. Пробуждение // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2009. С. 105 [7]. (Далее в тексте статьи ссылки на цитаты из анализируемого романа Газданова «Пробуждение» будут оформляться в круглых скобках с указанием страниц.)

тинная работа бухгалтера и ничем не запоминающееся лицо. Он производит впечатление человека, «у которого не может быть в жизни решительно ничего, что резко отличало бы ее от других» (с. 70). И потому, глядя на своего скромного друга, Франсуа невольно вспоминает ту самую статью «известного социолога» о «среднем французе» – новом типе людей, у которых нет резко выраженной индивидуальности. «Мы вступаем в эпоху торжества среднего человека, когда десятки миллионов людей будут жить совершенно одинаковой жизнью, в одних и тех же условиях и даже внешне станут похожи друг на друга, как это наблюдается уже теперь в некоторых промышленных центрах земного шара. Посмотрите на этого среднего человека, и вы убедитесь, что в его жизни не будет ничего неожиданного, ничего чрезвычайного, ничего выдающегося...» (с. 71), – так звучат в памяти Франсуа строки из этой программной статьи.

В то же время, создав французский сюжет и «среднего француза» Пьера Форэ, автор романа «Пробуждение» оставался в лоне традиции русской классической литературы с ее образом «маленького человека». Описание, которое дает Газданов своему герою («перед уходом он осматривал себя в зеркало: невыразительные глаза, продолговатое, ничем не замечательное лицо, чуть-чуть отстающие уши» (с. 24)), словно вторит гоголевскому описанию Акакия Акакиевича Башмачкина («Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный...» и т.д.). Целый ряд пассажей романа также отсылает к повести Гоголя. Так, например, размышляя о своем будущем, Пьер думает, что при больших способностях он стал бы не бухгалтером, а врачом, – в его представлении это была самая достойная возможность исполнить свое предназначение. Но, лишенный амбиций, «Пьер был убежден, что место, которое он занимает в жизни, точно соответствует его способностям и что на большее он претендовать не вправе» (с. 24). Это напоминает случай из гоголевской «Шинели», когда сердобольный начальник предложил Башмачкину «что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье», но Акакий Акакиевич попросил его оставить при старом занятии, которое ему было по душе. Здесь Газданов напрямую выходит на одну из центральных идей в философской системе Гоголя, выраженную формулой «Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»⁶. Постановка вопроса о «своем месте» – одна из важнейших полемических составляющих газдановского романа в его диалоге с русской классической литературой, и к ней мы еще вернемся. Заменив «свое место» фантастической идеей, герой гоголевской повести гибнет. Герой «Пробуждения», однако, совершает идеальный поступок⁷.

⁶ См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Сочинения. М.: Олма-пресс, 2002. С. 830 [8].

⁷ Образ «маленького человека»-француза был выведен также Газдановым в рассказе «Бистро», который стал подступом к роману «Пробуждение» (см.: Газданов Г.И. Бистро / публ. и подгот. текста М.А. Васильевой // Литературная газета. 1998. 2 дек. № 48. С. 12). О сопоставлении рассказа «Бистро» с повестью Гоголя «Шинель» см.: Васильева М.А. О рассказе Газданова «Бистро» // Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2000. С. 118–130.

Идеальный поступок Пьера Форэ роднит его также с героями Достоевского. «...Пьер – это какой-то французско-достоевский человек», – заметит Роман Гуль⁸. Впрочем, внесенный Газдановым диссонанс позволяет трактовать это сопоставление расширительно – от Макара Девушкина («Бедные люди») до безликого «всемства», о котором рассуждает герой «Записок из подполья».

Очевидно, что в романе Газданова «маленький человек» воспринят не как завершенная конструкция. «Пробуждение» окружено сложным контекстом рецензий, интерпретаций, полемик, а сам роман вносит немалую лепту в эволюцию образа и в обновление понимания проблемы. Эволюция «маленького человека» в русской литературной традиции совершалась как в границах творчества одного писателя (например, от Якова Голядкина до Макара Девушкина), так и на широком пространстве русской литературы (от «Станционного смотрителя» Пушкина до «Мелкого беса» Федора Сологуба). Рецепция образа «маленького человека» также претерпела значительную эволюцию. Либеральная критика в лице Белинского восторженно приветствовала его появление в отечественной литературе и всячески поддерживала к нему сочувственное отношение широкого читателя. «Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, – мы отвечали бы ..., – в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой “толпе”; исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальной, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом», – писал Белинский в статье «Русская литература в 1845 году» [10, с. 15]. Понадобилось некоторое время, чтобы «человек толпы» Башмачкин был увиден Василием Розановым совершенно в ином свете – как пример болезненного гоголевского воображения, в котором жили «оскопленные, с облезлыми на голове волосами, с морщинистыми щеками образы Акакиев Акакиевичей и подобных ... – равно без жизни, без естественного на себе света, без движений, без способности в себе продолжающейся мысли, развивающегося чувства»⁹. Еще более нелюбимое прочтение образа Башмачкина как воплощения абсолютного «ничто» было дано в статье филолога «первой волны» эмиграции Д.И. Чижевского «О “Шинели” Гоголя», которую Газданов, скорее всего, читал¹⁰. Этой статьей Чижевский сделал решительный шаг от интерпретации повести как социальной, в духе Белинского, к этико-онтологическому понима-

⁸ См.: Р.Б. Гуль – Г.И. Газданову. 10 янв. 1965 // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 118 [9].

⁹ См.: Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича («О Гоголе») // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 240 [11].

¹⁰ Статья Чижевского была опубликована в том же номере «Современных записок» (1938. № 67) [12], что и рассказ Газданова «Ошибка».

нию трагедии «маленького человека» и его нравственного краха в контексте религиозно-философских исканий Гюголя.

Не менее прихотливый путь в русской литературно-философской традиции прошел «средний человек». На перекличку статьи «известного социолога» из романа «Пробуждение» со статьей К.Н. Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» было указано исследователем С.А. Кибальником¹¹. В статье Леонтьев выступил с жесткой критикой идеи теоретиков утопического социализма (К.А. Сен-Симона, П.Ж. Прудона, Э. Кабе, Ш. Фурье и др.). В их герое Леонтьев увидел опасное упрощение идеала человека; на место выдающейся, неординарной личности европейские утопии выдвигали носителя всеобщего однообразия и благоденствия – «среднего человека» («честную посредственность», говоря словами Леонтьева). Леонтьевская критика обрушилась не только на отвлеченный утопический идеал, но и на современника-европейца, «эту среднюю европейскую фигуру в цилиндре и сюртучной паре, мелкодостойную, настойчивую, трудолюбивую, самодовольную, по-своему, пожалуй, и стоическую и во многих случаях честную, но и в груди не носящую другого идеала, кроме претворения всех и вся в нечто себе подобное и *с виду даже неслышанно прозаическое* еще со времен каменного периода» [14, с. 235].

Будучи сколком отдельной дискуссии вокруг национального вопроса, в которую были вовлечены Н.Н. Страхов, В.С. Соловьев, Н.Я. Данилевский и П.Е. Астафьев, статья Леонтьева вписана также в масштабный полемический дискурс в отечественной исторической науке, философии и социологии вокруг «среднего человека». Примером очередного всплеска такой полемики могли бы послужить диссертационные защиты Л.П. Карсавина¹² в Петербургском/Петроградском университете, обернувшиеся затяжным университетским конфликтом и не менее затяжным научным спором. В полемике участвовали многие выдающиеся ученые (И.М. Гревс, Э.Д. Гримм, О.А. Добиаш-Рождественская, И.В. Пузино, Д.Н. Егоров, Н.И. Кареев и др.¹³); предметом спора

¹¹ См.: Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 324 [13].

¹² Магистерская диссертация: Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII вв. СПб., 1912. 800 с. (защищена в 1913 г.); докторская диссертация: Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии // Записки Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Ч. СХХV. Пг., 1915. 374 с. (защищена в 1916 г.).

¹³ См.: Гревс И.М. [Рец. на кн.: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII веков. СПб., 1912] // Научный исторический журнал / под ред. Н.И. Кареева. 1913. Т. 1. Вып. 1. № 1. С. 80–91; Добиаш-Рождественская О.А. Религиозная психология Средневековья в исследовании русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22–28; Егоров Д.Н. Средневековая религиозность и труд Л.П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2. С. 85–106; Кареев Н.И. Общий религиозный фонд и индивидуализация религии (по поводу двух исторических диссертаций) // Русские записки. 1916. Сент. № 9. С. 196–224; Пузино И.В. Некоторые замечания о книге Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии»... // Исторические известия. 1916. № 1. С. 94–101; Карсавин Л.П. Ответ Д.Н. Егорову // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 140; Егоров Д.Н. Ответ Л.П. Карсавину // Там же. С. 147–157.

послужил все тот же «средний человек», а причиной – новизна карсавинских построений. На материале итальянского Средневековья ученый выстраивал совершенно новое понимание концепта, некую логическую абстракцию, призванную выразить дух эпохи. Его «средний человек» не совсем «средний» (т.е. обычный, ординарный, типичный), а носитель «общего религиозного фонда», стяженный «гений эпохи». Концепция Карсавина была в целом не принята современниками. Основатель петербургской школы медиевистики И.М. Гревс, под руководством которого писались диссертации, увидел в идеях ученика «наложение формул» на живой исторический материал, «отсутствие простоты отношения, путаную претензию»¹⁴. Негативное отношение к карсавинским новациям разделили многие ученики Гревса. Нарастающий конфликт вокруг защиты докторской диссертации обернулся для молодого ученого размолвкой с наставником и как итог – длительной стагнацией в Петербургском/Петроградском университете¹⁵. Между тем идеи Карсавина сыграли большую роль в обновлении содержания понятийного языка исторической науки. Так, его почин поддержал П.М. Бицилли, выстроив также на материале итальянского средневековья совершенно отличную от Карсавина концепцию «среднего человека» и тем самым переведя дискуссию в новое русло – от жесткой критики к научному диалогу¹⁶. Для самого Карсавина концепция «среднего человека» не только не была исчерпана диссертационными работами, но получила продолжение, трансформировавшись в одно из центральных понятий его историософии – «симфоническую личность»¹⁷.

Не менее сложным контекстом окружена поднятая в романе Газданова проблема двойника. В «Пробуждении» некий психолог – рационалист и харизматичный собеседник («по его взгляду было видно, что он привык направлять мысль других людей и что он привык к их добровольному подчинению» (с. 108)) – рассматривает иррациональный поступок Пьера Форэ как проявление «безличности». Выслушав от Франсуа историю чудесного преображения, он резюмирует: «У твоего Пьера нет честолюбия. В нем нет, если хочешь, какого-то творческого начала. Если его оставить одного, он не будет знать, что с собой делать. Но у него, как у всех людей, есть душевная энергия, которую ему не на что направить. Он не может себя найти – поэтому он неизбежно идет к раздвоению личности. Ты понимаешь, говоря образно, он смотрит в эту чужую жизнь и только там он видит отражение самого себя – искаженное, неправильное, частичное, но все-таки отражение. Полноты образа тут нет, и его личные возможности наполюви-

¹⁴ См.: И.М. Гревс – Л.П. Карсавину. 21 авг. 1915 // Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 107 [15].

¹⁵ См. об этом: Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.

¹⁶ См.: Бицилли П.М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса: Техник, 1916. 390 с.

¹⁷ Впервые это основополагающее понятие в учении о личности у Карсавина появляется в работе «Церковь, личность и государство» (1927).

ну парализованы» (с. 109). Таким образом, роман «Пробуждение» выстраивает сложную этико-антропологическую систему, в которой «маленький человек», «средний француз» и двойник оказываются плотно переплетены между собою.

В русской литературе тема двойничества напрямую связана с петербургскими повестями Н.В. Гоголя («Нос», «Портрет») и с двойниками Ф.М. Достоевского («Двойник», «Братья Карамазовы», «Бесы»); в широком пространстве мировой литературы она выходит далеко за пределы очевидных проявлений в творчестве Э.Т.А. Гофмана («Двойник», «Песочный человек», «Эликсиры сатаны»), А. Шамиссо («Удивительная история Петера Шлемиля»), Г.Х. Андерсена («Тень»), О. Уайльда («Портрет Дориана Грея») и находит глубинные истоки в более ранних сюжетах. Так, исследователем В.Н. Захаровым в работе «Загадка “Двойника”» убедительно выявлен сюжетный архетип повести Достоевского в эпизоде из «Пятикнижия Моисея» о близнецах Исаве и Иакове и продаже права первородства¹⁸. Однако – при всей фундаментальности своего генезиса и при всей многочисленности интерпретаций – двойничество в мировой литературе традиционно носило отрицательную окраску. Двойник в самых разных своих проявлениях (его функции могли брать на себя тень, портрет, отражение в зеркале, мистический спутник и т.д.) – выражение темного начала. Появление двойника служит признаком распада личности, потери цельности, разрушения внутреннего этико-отнологического единства; двойничество устойчиво коннотирует самозванство, подмену, обман, отказ от себя вплоть до сознательного сговора с темными силами. Это понимание мировой литературой проблемы двойника порождало аутентичные, глубокие рецепции в литературоведении и философии.

В отличие от «маленького человека» и «среднего человека», претерпевших значительную эволюцию в русской литературной и философской традиции, концепт «двойника» продемонстрировал заметную устойчивость. Мало того, в лице философии и литературоведения русского зарубежья эта традиция еще больше упрочивается, пополнившись замечательными по своей убедительности и глубине исследованиями – во многом программными, знаковыми для понимания проблемы двойника.

Особое место в ряду таких знаковых работ принадлежит статье Д.И. Чижевского «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)». В свете большого резонанса, который статья получила в русском зарубежье, она важна и как существенная составляющая полемического контекста романа «Пробуждение». Исследование появилось в первом выпуске работ пражского Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете¹⁹ и вызвало сочувственные отклики С.И. Гессена, С.Л. Франка, Л.А. Зандера, П.М. Бицилли²⁰. Так охарактеризовал центральную идею автора Н.О. Лосский:

¹⁸ См.: Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 108–109 [16].

¹⁹ О Достоевском: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. Вып. 1. Прага, [б/и], 1929. 164 с.

²⁰ Гессен С.И. [Рец. на кн.: О Достоевском. Вып. 1. Прага, 1929] // Современные записки. 1930. № 43. С. 503–505; Франк С.Л. [Рец. на кн.: О Достоевском. Вып. 1. Прага, 1929] // Руль (Берлин). 1930. № 2709; Зандер Л.А. [Рец. на кн.: О Достоевском. Вып. 1. Прага, 1929] // Путь. 1930. № 25. С. 127–131; Бицилли П.М. [Рец. на кн.: О Достоевском. Вып. 1. Прага, 1929] // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 240–242.

«Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствии нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного *индивидуального* назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей *неповторимости*» [17. 463]. С точки зрения Чижевского, двойничество – свидетельство несущестственности, поверхностности, потери глубинной устойчивости и прочности. Эта онтологическая неустойчивость не связана ни с психологической, ни с социальной неустойчивостью и глубоко коренится в проблеме пустоты «этического бытия», потери «своего места». О герое романа «Бесы» Чижевский скажет: «...в душе Ставрогина нет “устремленности”, у него никакого душевного “магнитного меридиана”, и для него нет того “магнитного полюса”, к которому влечется, по мнению Достоевского, всякая живая душа, – нет Бога. Живое, конкретное бытие человека, всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием» [18, с. 62–63]. Постановкой вопроса о потере героем «своего места» (живого конкретного бытия) Чижевский делает логический виток к идее о беспредметности абстрактного мышления, отвлеченности рационализма. «Абстрактное мышление сеет в самом мыслящем семена раздвоения и распада», – заметит он [18, с. 65]. Таким образом, Чижевский выстраивает глубинную связь между феноменом двойничества и универсальным рационализмом, т.е. бездушной «рационализацией сферы этической», в том числе и насаждением идеи «совершенно подобных» как идеала общества будущего, увиденного «глазами бесстрастного и безликого всеобщего двойника»²¹.

Статья Чижевского о двойнике вызвала дискуссию в литературоведческих и философских кругах русского рассеяния, во многом идеи Чижевского повлияли и на концепции в достоевистике В.В. Зеньковского, А.Л. Бема, П.М. Бицилли²². Написанные в разное время, эти работы продолжали курс на упрочение видения проблемы двойника как результата душевного распада, этико-онтологической катастрофы субъекта. Между тем именно в силу глубины проработки проблемы статья Чижевского не только вносила значительную лепту в традиционную трактовку двойника, но и невольно предвосхищала совершенно иную парадигму двойничества, зародившуюся в литературе русского зарубежья. В этой абсолютно новой интерпретации двойника (В.В. Набоков, В.Ф. Ходасевич, Б.Ю. Поплавский, Г.В. Иванов и др.) особое место принадлежит и Гайто Газданову. Есть весьма символический пассаж в статье Чижевского, который звучит как некий пролог к роману Газданова «Пробуждение». «Но для “пробуждения” к добру, – пишет Чижевский, – недостаточно *знать*, что

²¹ См.: Чижевский Д.И. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А.Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. С. 68 [18].

²² См.: Зеньковский В.В. Федор Павлович Карамазов // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. Вып. 2. Прага: [б/и], 1933. С. 93–114; Бем А.Л. У истоков творчества Достоевского // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. Вып. 3. Прага; [Берлин]: Петрополис, 1936. 216 с.; Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Годишник на Софийский ун-т. Ист.-филол. фак-т. София, 1945/1946. Т. 42. С. 1–75.

такое добро, недостаточно теоретического (и эстетического – мысль очень существенная для Достоевского <...>) приобщения к добру» [18, с. 62].

Эта цитата может служить толкованием названия романа Газданова и образа его главного героя. Справедливости ради стоит отметить, что название «Пробуждение» не результат априорного замысла, оно родилось не сразу, и первоначально предлагались иные варианты: «Начало романа», «Странный роман», «Начало странного романа» и др. Но в печати уже появились произведения с похожими названиями, в том числе у Л.Д. Ржевского, и во избежание повтора Газданов принимает окончательное решение: «Поставьте тогда, дорогой Роман Борисович, другое заглавие – ”Пробуждение”, – пишет он Р. Гулю. – Тоже не Бог весть что, но будем надеяться, что рассказа с таким заглавием мой друг Ржевский не написал» [19, с. 121]. Со временем, познакомившись с полным текстом романа, Гуль заметил: «Кстати, оч<ень> хорошо оказалось название – ПРОБУЖДЕНИЕ» [20, с. 127].

Название служит ключом ко всей этической концепции романа. Пробуждение – состояние, пограничное между двумя мирами, отделяющее человека от сна и яви, покоя и действия, от «до» и «после». В таком «пограничном» состоянии находится не только Мари, «пробудившаяся» от амнезии и безумия. Раздвоение на жизнь «до» и жизнь «после» переживает и Пьер. Задолго до встречи с Мари его посещает печальное откровение, «что он, Пьер, в силу жестокой несправедливости судьбы был раз и навсегда лишен доступа к настоящей, полноценной жизни, а не такой, как та, которая выпала на его долю» (с. 77). Эти безрадостные рассуждения Пьера словно дают карт-бланш для того, чтобы записать его в «среднего человека» – антигероя статьи Константина Леонтьева – безликую фигуру, «с виду даже неслыханно прозаическую». Отчасти именно так и судит о Пьере его друг Франсуа. Но есть в «прозаической» жизни главного героя нечто существенное, что ускользает от взора Франсуа, но не должно ускользать от читателя. Важнейшая этическая составляющая жизни Форэ словно растворена в повествовании, скрыта и поглощена «прозой жизни» и потому почти незаметна, а между тем именно в ней берет свои истоки «иррациональный поступок» героя и возможность другого «я». Так, пойдя на службу и заняв далеко не романтическую должность бухгалтера, Пьер сделал все возможное, чтобы его пожилая мать, жившая всегда трудно и на грани нужды, обрела спокойную, достойную старость: «Ему доставляло особенное удовольствие отдавать ей все, что он зарабатывал, не оставляя себе почти ничего» (с. 17). В то же время, работая бухгалтером, он избежал искушения деньгами – «он просто физически не любил деньги» (с. 17–18). «Оговорка» важнейшая, если учесть какую inferнальную, разрушительную роль играют в традиционном сюжете двойничества деньги. Мало того, в силу «убогого воображения», как Пьер сам про себя скажет в шутку, он никогда и не помышлял о богатстве. Еще одна деталь: «Пьер питал органическое отвращение к алкоголю и никогда не пил даже вина» (с. 56). Исполняя свой долг перед отечеством, он принял участие в боевых действиях на стороне Французской армии во Второй мировой войне, но война не принесла никаких возвышенных «откровений». И снова важная деталь – «его часть, попавшая в середину сложного движения сотен тысяч воо-

руженных людей, не участвовала ни в одном бою и не заняла ни одного города» (с. 77–78), тем самым Газданов погружает героя в тяготы войны и одновременно оберегает от участия в массовой бойне. Возвращая Анну к сознательной жизни, Пьер прекрасно понимает, что вспомнив всё, она скорее всего покинет его. Однако Форэ подгоняет пробуждение ее памяти, замечая скромно, что выполнил перед Анной только «долг фельдшера, и всё это, конечно, не дает на нее никаких прав» (с. 112). Ее душевная перемена не акт уподобления или подчинения чьей-то воле. Записывая свои воспоминания в тетрадь, Анна Дюмон сама находит для себя ответ. Все эти «малозначительные» детали и оговорки между строк рисуют образ, имеющий мало общего с «неслыханно прозаическим» средним европейцем Константина Леонтьева. Здесь, скорее, последовательное соблюдение Божьих заповедей: «почитай отца твоего и мать», «не убий», «не укради», «не пожелай ничего чужого» и т.д. Если бы Пьер Форэ не был столь прост и конкретен, то мог бы претендовать на статус не леонтьевского, а карсавинского «среднего человека» – носителя «общего религиозного фонда». Во всяком случае, существование Пьера Форэ до «пробуждения» – далеко не пустота и не мертвая точка.

Почему же тогда в романе встает вопрос о двойничестве главного героя, если, по сути, перед нами житие праведника, ставшее «залогом» чудесного пробуждения? Ответ мы можем найти в двух альтернативных толкованиях поступка Форэ, которые дает в романе Гайто Газданов. Одно исходит от психолога, приятеля Франсуа – «очень дельного человека». Личность Пьера он анализирует с немалой долей скепсиса: «Он не может себя найти – поэтому он неизбежно идет к раздвоению личности. ... говоря образно, он смотрит в эту чужую жизнь и только там он видит отражение самого себя» (с. 109). Мотив зеркального отражения, столь характерный для двойничества, вплетен Газдановым в этот монолог, конечно, не случайно. Совсем по-иному трактует поступок Пьера Форэ его друг Франсуа: «Он не фанатик, не святой... Но он способен сделать то, что мы с тобой сделать не можем, и именно потому, что в нем есть творческая сила, которую ты у него отрицаешь. Он способен создать и построить мир, ты понимаешь?» (с. 110) Общим знаменателем этой полемики служит резюме психолога: «... разница тут главным образом... терминологическая. Я говорю “раздвоение личности”, а ты говоришь “построение мира”; – но одно другого не исключает». Эти два толкования «пробуждения к добру», предложенные романтиком и рационалистом, совсем не разделяет сам Пьер Форэ. В романе немало героев, склонных мыслить отвлеченно, создавать завершенные идейные конструкции – это не только «очень дельный человек» психолог, но и все окружение из прошлой жизни Анны – ее отец, ее супруг Жак, аббат Симон. И даже Франсуа, добрый приятель Пьера Форэ, время от времени начинает мыслить красивыми формулами, особенно, когда речь заходит о «красивом» поступке его друга. Наименьший рационалист в этой истории сам Пьер, сконфуженно реагирующий на возвышенную риторику Франсуа: «Все это гораздо проще. Ты видишь рядом с собой несчастное существо, которое заслуживает лучшей участи. У тебя есть возможность это положение как-то изменить. Ты это делаешь – и больше ничего. Что тут особенного?»

(с. 111). Здесь снова всплывает вопрос о конкретности и прочности этического бытия, поставленный Д.И. Чижевским в статье «К проблеме двойника...», и рефреном звучит его мысль: «...для “пробуждения” к добру недостаточно *знать*, что такое добро, недостаточно теоретического (и эстетического <...>) приобщения к добру». Герой романа Газданова – идеальный пример такого конкретного этического действия, свободного от универсального рационализма.

Пьер Форэ – герой нового типа, выведенный из многолетнего драматического опыта русской эмиграции. Неслучайно в этом «среднем французе» Роман Гуль увидел героя собирательного, «какого-то французско-достоевского человека», и абсолютно справедливо здесь замечание Георгия Адамовича о том, что Газданов помещал во французский ландшафт вечные вопросы, которыми был заряжен воздух русской эмигрантской среды. Впрочем, французский фон здесь играет особую роль. С точки зрения самого Адамовича, Франция была «самой безразличной ко всему чужеземному страной в мире»²³, «равнодушно-светлой страной»²⁴, где самоощущение русского эмигранта было явлено в наиболее чистом и завершённом виде и где наиболее полно сформировалась генерация «незамеченного поколения».

Молодому поколению русской эмиграции «первой волны», к которому принадлежал и Гайто Газданов, была чужда агрессия идейных конструкций, в своем творчестве оно выдвигало требование простоты и ясности, в этой среде зародилось совершенно новое понимание человека в контексте европейской и русской культуры. О своем поколении «сыновей» русской эмиграции Юрий Терапиано писал так: «... трещина, образовавшаяся в душах “детей страшных лет России”, отравленность пережитым, невозможность забыть о гибели, о смерти, и осознание, что образовавшуюся в душах пустоту уже не заполнить одними словами и красивыми образами, отвращение от риторики и неискренности – вот истоки того ощущения, которое сделалось общим в начале 30-х годов... люди 30-х годов увидели в какую-то минуту тему о человеке не так, как видели ее до них» [22, с. 151–153].

Из этих строк следует, что «образовавшаяся в душах пустота» для поколения младоэмигрантов – явление абсолютно новое, привнесенное изгнанием, и не менее глобальное, чем внутренняя пустота и душевный распад героев Достоевского, порождающих двойника. Между тем природа эмигрантской пустоты была совсем иной, и потому совсем иную природу обретает в литературе русского зарубежья обновленная парадигма двойничества. Двойник перестает быть результатом внутреннего распада личности. Само явление распада, распыления, рассеяния (*διασπορά*), как и потеря «своего места», для эмигранта – априорная данность внешнего мира, требующая пусть даже иллюзорной альтернативы. Таким образом, эмигрантский герой начинает балансировать между «раздвоением» и «построением мира» и, как ни парадоксальна мысль газдановского психолога-рационалиста, «одно другого не исключает». Мало того, отражение в *другом мире* (не внешнем (распыленном), а том, который можно «построить» внут-

²³ См.: Адамович Г.В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 14–15 [21].

²⁴ Из стихотворения Г.В. Адамовича «За всё, за всё спасибо. За войну...» (1928).

ри себя) более реально, жизненно, цельно, а построенный мир более гармоничен и конкретен, нежели драматичный мир «одиночества и свободы». Во внешнем мире эмигрант почти не существует. «Эмигрантская быль мне всего только снится»²⁵, – заметит Георгий Иванов. Он же лапидарно опишет пограничное состояние раздвоения-творчества, распыления и возрождения:

Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире [23, с. 439].

В новом эмигрантском дискурсе раздвоения во имя создания иных миров (иллюзорных миров в «Аполлоне Безобразов» Бориса Поплавского или потерянных миров дореволюционного Петербурга у Георгия Иванова) идеальный мир романа «Пробуждение» наиболее приближен к реальности.

И все же это не совсем реальность «реализма», а некая новая система, основанная на вере в лучшего человека. Раздвинуть границы внутри себя, найти новые причины, чтобы жить, раствориться в другом или зеркально раздвоиться, чтобы остаться человеком, – таков утопический проект Гайто Газданова, где счастливый финал «по замыслу автора... должен казаться психологически неопровержимым»²⁶ [19, с. 122].

Список литературы

1. Р.Б. Гуль – Г.И. Газданову. 19 сент. 1965 // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 128–129.
2. Слоним М. Гайто Газданов // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 413–419.
3. Бахрах А. «Газданыч» // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 433–437.
4. Адамович Г. Памяти Газданова // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 410–412.
5. Иваск Ю. Проза Георгия Газданова // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 405–409.
6. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995. 304 с.
7. Газданов Г.И. Пробуждение // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2009. С. 3–134.
8. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Сочинения. М.: Олма-пресс, 2002. С. 825–935.
9. Р.Б. Гуль – Г.И. Газданову. 10 янв. 1965 // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 117–118.
10. Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948. С. 5–32.

²⁵ Из стихотворения Г.В. Иванова «Ликование вечной, блаженной весны...».

²⁶ См.: Г.И. Газданов – Р.Б. Гулю. 2 февр. 1965 // Газданов Г.И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 122 [19].

11. Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича («О Гоголе») // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 234–246.
12. Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя // Современные записки (Париж). 1938. № 67. С. 172–195.
13. Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 412 с.
14. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 198–267.
15. И.М. Гревс – Л.П. Карсавину. 21 авг. 1915 // Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН РАН, 1994. 171 с.
16. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
17. Лосский Н.О. [Рец. на кн.: Dostojevskij-Studen: Verffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universit(t in Prag. Reichenberg, 1931. 164 s.) // Современные записки. 1932. № 49. С. 462–464.
18. Чижевский Д.И. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А.Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. С. 54–73.
19. ГИ. Газданов – Р.Б. Гулю. 2 февр. 1965 // Газданов ГИ. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 120–122.
20. Р.Б. Гуль – ГИ. Газданову. 8 авг. 1965 // Газданов ГИ. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 126–128.
21. Адамович Г.В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. 320 с.
22. Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. 208 с.
23. Иванов Г.В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1993. 656 с.

References

1. R.B. Gul' – G.I. Gazdanovu. 19 sent. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 128–129.
2. Slonim, M. Gayto Gazdanov, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 413–419.
3. Bakhrakh, A. «Gazdanych», in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 433–437.
4. Adamovich, G. Pamyati Gazdanova [To the memory of Gazdanov], in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 410–412.
5. Ivask, Yu. Proza Georgiya Gazdanova [George Gazdanov's prose], in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 405–409.
6. Dienesh, L. *Gayto Gazdanov. Zhizn' i tvorchestvo* [Gayto Gazdanov. Life and creation], Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, 1995. 304 p.
7. Gazdanov, G.I. Probuzhdenie [Awakening], in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 4* [Works in 5 vol., vol. 4], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 3–134.
8. Gogol', N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami [The chosen places from correspondence with friends], in Gogol', N.V. *Sochineniya* [Selected Works], Moscow: Olma-press, 2002, pp. 825–935.
9. R.B. Gul' – G.I. Gazdanovu. 10 yanv. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 117–118.
10. Belinskiy, V.G. Russkaya literatura v 1845 godu [The Russian literature in 1845], in Belinskiy, V.G. *Sobanie sochineniy v 3 t., t. 3* [Works in 3 vol., vol. 3], Moscow: OGIZ; GIKhL, 1948, pp. 5–32.
11. Rozanov, V.V. Kak proizoshel tip Akakiya Akakievicha («O Gogole») [How Acacius Akakiyevich's type descended («About Gogol»)], in Rozanov, V.V. *Nesovmestimye kontrasty zhitiya:*

Literaturno-esteticheskie raboty raznykh let [Antithetic contrasts of life: Literary and esthetic works from the various years], Moscow: Iskusstvo, 1990, pp. 234–246.

12. Chizhevskiy, D.I. O «Shineli» Gogolya [About Gogol's «Overcoat»], in *Sovremennye zapiski* (Paris), 1938, no. 67, pp. 172–195.

13. Kibal'nik, S.A. *Gayto Gazdanov i ekzistentsial'naya traditsiya v russkoy literature* [Gayto Gazdanov and existential tradition in the Russian literature], Saint-Petersburg: Petropolis, 2011. 412 p.

14. Leont'ev, K.N. Sredniy evropeets kak ideal i orudie vseirnogo razrusheniya [Middle European as ideal and tool of the universal destruction], in *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavyanofil'stvo and the future destinies of Russia], Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, pp. 198–267.

15. I.M. Grevs – L.P. Karsavinu. 21 avg. 1915, in *Rossiyskaya istoricheskaya mysl'. Iz epistolyarnogo naslediya L.P. Karsavina: Pis'ma I.M. Grevsu (1906–1916)* [Russian historical thought. From L.P. Karsavin's epistolary heritage: Letters to I.M. Grevs], Moscow: INION RAN, 1994. 171 p.

16. Zakharov, V.N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The author's Name is Dostoyevsky. Essay on oeuvre], Moscow: Indrik, 2013. 456 p.

17. Losskiy, N.O. [Book review: Dostojevskij-Studen: Verffentlichugen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universit(t in Prag. Reichenberg, 1931. 164 s.), in *Sovremennye zapiski*, 1932, no. 49, pp. 462–464.

18. Chizhevskiy, D.I. K probleme dvoynika. (Iz knigi o formalizme v etike) [On a problem of the double. (From the book on a formalism in ethics)], in *Vokrug Dostoevskogo v 2 t., t. 1: O Dostoevskom: Sbornik statey* [Over Dostoyevsky in 2 vol., vol. 1: About Dostoyevsky: Collected works], Moscow: Russkiy put', 2007, pp. 54–73.

19. G.I. Gazdanov–R.B. Gulyu. 2 fevr. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 120–122.

20. R.B. Gul' – G.I. Gazdanovu. 8 avg. 1965, in Gazdanov, G.I. *Sobanie sochineniy v 5 t., t. 5* [Works in 5 vol., vol. 5], Moscow: Ellis Lak, 2009, pp. 126–128.

21. Adamovich, G.V. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom], N.Y.: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1955. 320 p.

22. Terapiano, Yu.K. *Vstrechi* [Meetings], N.Y.: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953. 208 p.

23. Ivanov, G.V. *Sobanie sochineniy v 3 t., t 1* [Works in 3 vol., vol. 1], Moscow: Soglasie, 1993. 656 p.

УДК 82:141.333(47)

ББК 83.3:873(2)53

ОБРАЗЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ УТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО И СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

С.А. СЕРЕГИНА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ул. Поварская, д. 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: serjogina@mail.ru

Рассматриваются литературные утопии, созданные А. Белым и С. Есениным в революционные годы. Обосновывается положение о том, что концепция житнетворчества А. Белого 1900-х годов сформировалась на базе представления Вл. Соловьева об искусстве

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-02709 «"Вечные" сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма» (2014–2016)).